

Агафонова О.И.^с

Аспирант кафедры английского языка и методики преподавания факультета РГФ НИУ,
Белгородский государственный университет

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В свете антропоцентрического подхода к изучению языковой личности человека особую актуальность получили исследования, посвященные изучению процессов восприятия, концептуализации, ментальной репрезентации и хранения знаний. Индивидуальные ментальные репрезентации и когнитивные схемы отражают окружающий мир в сознании человека, которому в когнитивной лингвистике отводится центральная роль в процессе концептуализации мира в языке. По словам А.А. Кибрика, когнитивный подход к исследованию языковой деятельности как одного из видов когнитивной деятельности человека рассматривает языковые явления «лишь в контексте других когнитивных процессов» и «пытается не только зарегистрировать языковые явления, но и объяснить, почему они реализуются именно так, а не иначе» [5, 5].

Тесная связь когниции и коммуникации ставит задачу «реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций» в коммуникативно-дискурсивной парадигме [7, 520]. Дискурс с точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода не имеет однозначного определения. Дискурс как предмет лингвистического описания трактуется А.А. Кибриком как «реальное языковое взаимодействие» и «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста», а также «разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [5, 4]. Исследователи противопоставляют дискурс тексту, отделяя текст как предмет речемыслительной деятельности от дискурса как процесса, исходя из их этимологии (лат. «*discursus* – имя действия, а *textus* – имя предмета, результата действия») [4, 50]. С точки зрения теории коммуникации дискурс понимается как сочетание лингвистического компонента (текста) и экстралингвистического компонента (контекста); как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; как речь, «погруженная в жизнь» [1, 136] и как интерактивный способ речевого взаимодействия в противопоставление тексту как монологическому высказыванию. По мнению В.З. Демьянкова «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора». Он считает, что дискурс состоит из предложений или их

^с Агафонова О.И., 2011 г.

фрагментов, а содержание дискурса концентрируется вокруг «опорного» концепта, в то время как содержание отдельных предложений – компонентов дискурса – называется пропозициями; эти пропозиции связаны между собой логическими отношениями [3, 116].

Потребность описания реализации когнитивных аспектов в политическом дискурсе продиктована его способностью влиять на общественное сознание посредством СМИ. В связи с все возрастающей ролью средств массовой информации усиливается манипулятивное воздействие, оказываемое на аудиторию. Эта особенность политического дискурса делает исследование его лингвистических и экстралингвистических аспектов особенно интересными и оправданными.

Политический дискурс находится в сфере интересов многих современных ученых: А. Н. Баранова, Э.В. Будаева, В.З. Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, П.Б. Паршина, А. П. Чудинова, Е.И. Шейгал и др. Однако, политический дискурс как одна из актуальных отраслей науки, как и дискурс в целом, не получил однозначного определения.

Существуют два полярных подхода к трактовке термина «политический дискурс» – узкий и широкий. При узком подходе в качестве источников рассматриваются лишь тексты, созданные политиками и используемые в политической коммуникации. В рамках широкого подхода рассматриваются любые тексты, имеющие отношение к политическим проблемам [2], поскольку мы изучаем вопросы языка и коммуникации (в том числе и политической) с точки зрения «погруженности в нее» [1, 136]. Это значит, что нас интересует не только что было сообщено адресату, но и то, какую «картину» он получил в результате данного сообщения.

Говоря о политическом дискурсе в рамках полевого подхода, исследователи различают также институциональный политический дискурс, для исследования которого изучают тексты, созданные политиками, и масс-медийный, объединяющий тексты, распространяемые посредством СМИ [2]. По мнению А.П. Чудинова, в содержание политического дискурса входят «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и "живет" данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [8].

Таким образом, рассматривая политическую коммуникацию как объект лингвистического исследования, мы имеем в виду совокупность всех устных и письменных высказываний, имеющих отношений к политической жизни. При определении политического дискурса, мы опираемся на мнение Е.И. Шейгал, которая понимает его как политическую коммуникацию в

широком смысле, а корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса считает языком политики [9, 30, 34]. Политический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, в связи с этим, вслед за рядом ученых, придерживающихся широкой трактовки термина «политического дискурса» (А.П. Чудиновым, Э.В. Будаевым, Е.И. Шейгал,), мы понимаем под политической коммуникацией любые сообщения, имеющие отношение к политике. И поскольку политическая коммуникация является не просто средством передачи информации, а еще и мощным средством взаимодействия на аудиторию, то исследование политической коммуникации представляется особенно важным для изучения процессов мировосприятия, формирования картины мира в сознании адресата, социально-политической позиции аудитории с точки зрения антропоцентрического подхода. Таким образом, политическая коммуникация выступает как особая форма отношений, направленная в первую очередь на обмен информацией в процессе борьбы за власть и формирование у аудитории определенного представления.

Процесс формирования картины мира в целом и концептуализации политической картины мира в частности находит свое выражение в изучении когнитивных структур или концептов. Концепты (согласно определению Е.С.Кубряковой) являются оперативными содержательными единицами памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [6, 90]. Данные мыслительные образы, представляющие ментальную репрезентацию мира человека нередко вербализуются при помощи метафоры. Поскольку, как мы уже говорили, для политической коммуникации характерна не только информативная функция, но еще и функция воздействия на аудиторию, большую значимость приобретает эмоциональный аспект. Роль метафоры в вербализации эмоций неоспорима. Как следствие, к использованию метафоры прибегают для передачи требуемой оценки или формирования мнения аудитории, а также с целью акцентировать внимание аудитории на каком-то факте, привлекая внимание к определенной проблеме или наоборот, пытаясь завуалировать нежелательную информацию.

Говоря о метафоре в политическом дискурсе, следует, прежде всего, отметить, что метафора рассматривается многими учеными как механизм, позволяющий моделировать процесс познания, как способ категоризации окружающей действительности, как своего рода содержательное наполнение текста. Метафорический образ помогает человеку осмысливать окружающий его мир посредством уже имеющихся у него образов, а исследование метафоры позволяет проанализировать мышление отдельного индивидуума или особенности мышления целой культуры. А.П. Чудинов отождествляет

концептуальный образ с метафорической мозаикой, в которой «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в целом составляя метафорическую картину мира общества в национальном сознании [8]. И в значительной мере этому осмыслению способствует опора на хорошо известные и понимаемые большинством образы, которые легко формируются в сознании аудитории при помощи использования зоометафор, то есть языковых единиц, содержащих зооморфный компонент. Мы используем зоометафоры в силу понятности и близости нам их значения – животные сосуществуют с людьми на протяжении долгого времени и, обращаясь к их словесным характеристикам, мы понимаем абстрактные понятия. Поэтому используя такие зоометафоры как, например, «to tame the budget», «a shark tank» в отношении политических деятелей или «to lick salt like deer» о репортерах, освещающих политические события, мы быстрее получаем эмоциональный отклик [11]. В терминах теории концептуальной метафоры мы постигаем одну область действительности через призму другой – сферы-мишени и сферы-источника, последняя из которых известна нам из нашего предыдущего опыта [10, 15], и именно благодаря этому опыту мы неосознанно формируем мыслительные образы и выстаиваем собственную картину мира.

Анализируя примеры, представленные в масс-медийном политическом дискурсе, следует отметить, что большая их часть имеет отрицательную эмоциональную окраску. Это обусловлено видимо тем, что человеку свойственно принимать хорошее как данность и негодовать в случае неудовлетворенности чем-либо. Так, выражая неодобрение в отношении нового законопроекта о налоговых льготах, изначально предусматривавшего отмену налоговых льгот для богатых, которые все-таки были продлены, автор использует зоометафору «fat cats», имеющую значение «денежный мешок, толстосум»:

*You are a true leader with your callous attitude towards Americans with real concerns instead of **fat cats** that want to bleed this country dry* [12].

Не менее эмоциональным выглядит и комментарий следующего читателя:

*The Democrats and Obama have handed the Conservatives all they could ask for -- including the first crack in undermining the foundation of Social Security AND fodder for blaming the Administration and **the lame-duck Congress** for increasing the deficit. ... And you had better believe that the GOP will stop any further stimulus legislation by crying "deficit spending, deficit spending, deficit spending!" To mix metaphors, this legislation is a **wolf in sheep's clothing**, and the President and the Democrats are on the menu* [12].

Эта же тема широко обсуждается на странице газеты «The Guardian»:

*It means that the US government is too ready to stimulate its economy with badly thought-out tax cuts or **pork-barrel public spending** increases, and to take **appallingly stupid risks** with monetary policy* [13].

Зоометафора «pork barrel» обозначает «законопроект, защищающий интересы влиятельных групп; мероприятие, проводимое для завоевания популярности». Тем самым подчеркивается, насколько сомнительна политика правительства и администрации президента в глазах простых людей.

Социально-экономические, политические проблемы вызывает мгновенную реакцию общества, и многие выражают ее непосредственно в интернете – блогах, комментариях, различных социальных сетях, т.к. таким образом они получают доступ к гораздо большей аудитории и могут донести свою точку зрения до большего количества людей, тем самым формируя определенное представление о политическом лидере, партии или событии.

Все знаковые для общества события находят отражение на страницах СМИ. Недавние скандальные публикации на сайте www.wikileaks.ch всколыхнули общественное мнение – дипломатические службы сравниваются в них с осиным гнездом:

Transformed from cyber celebrity into household name, Assange – the man who kicked a diplomatic hornet's nest across the globe – is carrying an extraordinary weight of controversy and opprobrium on his narrow shoulders [14].

В процессе обсуждения актуальных событий используются зооморфные метафоры не только непосредственно называющие животных, но те, которые на наш взгляд расположены на периферии – то есть метафоры, обозначающие производимые животными звуки, действия, продукты и т.п. Обсуждая стрельбу во время публичных мероприятий, в ходе которой была ранена член конгресса США от Аризоны Габриель Гиффордс, один из читателей характеризует слабую на его взгляд позицию автора:

Once again, Mr. Douthat blithely sticks his head in his own rhetorical sand [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение метафор с зооморфным компонентом на примере конкретного языка и национальной культуры способствует пониманию проблем и политический реалий других государств. Политические зоометафоры не просто передают информацию, а преобразуют ее в картину мира, оказывая эмоциональное воздействие. Политические процессы в ярком сиянии метафор быстрее находят отклик аудитории, а их изучение позволяет сделать выводы о закономерностях их функционирования и способах практического воздействия в процессе политической коммуникации в целом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2006. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 10.01.11).

3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.
4. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
5. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
8. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2003. – 248 с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 10.01.11).
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 432 с.
10. Kövecses, Zoltan. Metaphor: A practical introduction. – N.Y.: Oxford University press, 2002.
11. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nytimes.com/2011/01/09/us/politics/09freshman.html?_r=1&scp=2&sq=hornets%20nest&st=cse (дата обращения 09.01.11).
12. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://community.nytimes.com/comments/www.nytimes.com/2010/12/16/us/politics/16cong.html?scp=3&sq=wolf%20in%20sheep's%20clothes&st=cse> (дата обращения 09.01.11).
13. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2010/nov/07/welfare-state-weakening-unemployment-economic?INTCMP=SRCH> (дата обращения 09.01.11).
14. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2010/dec/18/julian-assange-allegations-wikileaks-cables?INTCMP=SRCH> (дата обращения 09.01.11)
15. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://community.nytimes.com/comments/www.nytimes.com/2011/01/10/opinion/10douthat.html?scp=1&sq=hornets%20nest&st=cse> (дата обращения 09.01.11).